

[Рец. на: / Review of:] С. М. Толстая. *Синтаксические основы славянского словосложения. Очерки*. М.: Индрик, 2023. 232 с. [S. M. Tolstaya. *Sintaksicheskie osnovy slavyanskogo slovoslozheniya. Ocherki* [Syntactic foundation of Slavic word composition. Essays]. Moscow: Indrik, 2023. 232 pp.] ISBN: 978-5-91674-712-6.

Алексей Александрович Кретов

Воронежский государственный университет,
Воронеж, Россия; kretov@rgph.vsu.ru

Aleksej A. Kretov

Voronezh State University, Voronezh, Russia;
kretov@rgph.vsu.ru

Анна Борисовна Пешкова

Воронежский государственный университет,
Воронеж, Россия; peril5@yandex.ru

Anna B. Peshkova

Voronezh State University, Voronezh, Russia;
peril5@yandex.ru

DOI: 10.31857/0373-658X.2025.3.153-160

Монография С. М. Толстой представляет собой очерки по русскому и славянскому словосложению, опубликованные последние несколько лет в разных, в том числе труднодоступных, изданиях.

Описание словосложения имеет давнюю традицию и специальная литература по данному вопросу в зарубежном и отечественном языкознании значительна, тем не менее многие вопросы до сих пор остаются нерешенными. Одной из таких проблем является выявление специфики образования сложных слов русского языка, подробное рассмотрение которой представлено в монографии С. М. Толстой. Данное исследование, несомненно, будет служить основой для определения тенденций развития русского словосложения, а также для проведения типологических исследований словообразования в славянских и шире — индоевропейских языках.

В работе Толстая выдвигает и аргументированно доказывает точку зрения, согласно которой сложные слова интерпретируются как «продукт не только словообразовательной деривации, но и синтаксической трансформации (конденсации) словосочетаний» (с. 9), например: *водопроводчик* является продуктом суффиксальной деривации от сложного слова *водопровод*, которое в свою очередь образовано от сочетания *проводить воду*. Такая трактовка в некоторых случаях расходится с положениями «Русской грамматики» [РГ 1980] и основанными на ней грамматическими описаниями. Это различие, на наш взгляд, носит принципиальный и чрезвычайно продуктивный характер. Оно предполагает различие **компрессии** словосочетания (синтаксической единицы) в универб (сложную основу, которая может подвергаться аффиксации, подобно корню) и **аффиксации** (в частности, суффиксальной деривации) — системы словообразования в узком смысле.

Рецензируемая монография имеет традиционную структуру: введение (с. 9–14), шесть глав, представленные в работе как очерки (с. 15–37, 38–62, 63–88, 89–107, 108–203, 204–214), заключение (с. 215–218), список литературы (с. 219–228) и библиографическая справка: первые издания публикуемых работ (с. 229). Список литературы включает как хорошо известные сегодня, так и редко упоминаемые труды отечественных и зарубежных исследователей-лингвистов, а также философов, историков и других ученых, публикации которых были использованы при формировании теоретического фундамента анализируемого исследования.

Во введении (с. 9–14) автор излагает свою точку зрения на словосложение, а также кратко описывает основное содержание очерков (глав) и разделов, что позволяет читателю, с одной стороны, легко ориентироваться в концепции автора и, с другой стороны, следить

за логикой изложения, не теряя из виду цель исследования — доказать, что сложные слова являются не морфологическими типами, а синтаксическими структурами.

В монографии синтаксический подход был применен не только к сложным словам как структурам, состоящим из двух и более основ (слов), но и к другим составным номинациям (антропонимам, аппозитивным словосочетаниям и др.). При этом был использован довольно разнообразный материал: корпус сложных слов и пограничных с ними составных номинаций современного русского литературного языка, праславянский лексический фонд апеллятивов и антропонимов, явления фольклорного языка, в котором словосложение представлено множеством формальных и функциональных типов, а также некоторые факты древнерусского языка.

В первом очерке «Сложные слова в русском языке: внутренний синтаксис и семантика» рассматриваются теоретические основы словосложения (с. 15–16), соотношение таких понятий, как сложные слова и словосочетания (с. 16–21), а также предлагается типология сложных слов русского языка с точки зрения их «внутреннего синтаксиса», т. е. их внутренней синтаксической и семантической структуры (с. 21–37).

В отличие от традиционного понимания словосложения как чисто словообразовательного явления, С. М. Толстая, вслед за Э. Бенвенистом, считает данное понятие словообразовательно-синтаксическим (с. 17). Источником словосложения являются словосочетания как составные синтактико-семантические конструкции, в то время как в обычном словообразовании производящей базой являются отдельные слова. Однако деривация сложных слов осуществляется с помощью тех же формальных приемов в языке, что и у простых слов (аффиксация) и морфологическое преобразование компонентов сложных слов). Например, сложное прилагательное *левобережный* — это дериват от словосочетания *левый берег* с его последующей аффиксацией. Таким образом, представленные в книге явления деривации на основе синтаксических конструкций демонстрируют внутреннюю связь и взаимодействие двух уровней языка (словообразования и синтаксиса) и двух типов языковых единиц (слова и словосочетания).

Опираясь на эти теоретические заключения, автор разрабатывает собственную классификацию сложных слов на основе производящих словосочетаний (с. 21–37). Типы выделяются, исходя из характера главного, управляющего (синтаксически независимого) члена словосочетаний: глагола, существительного, прилагательного или числительного.

В композитах, производных от предикативных конструкций, выделяются субъектные, объектные, локативные, темпоральные, инструментальные и другие семантические модели отношений между предикатом и зависимым словом. Композиты с опорным существительным делятся на несколько продуктивных типов, различающихся характером первого члена сложения — адъективной, глагольной или субстантивной основой, часть которых происходит из словосочетаний подчинительного типа, а часть из сочинительных конструкций, не признаваемых словосочетаниями (с. 20, 27). Сложные слова с субстантивным управлением, образованные от сочетаний подчинительного вида, в зависимости от типа отношений между компонентами, делятся на атрибутивные (*горнолыжник* — ‘горные лыжи’), сравнительные (*серпокрылка* — ‘крылья как серп’), функциональные (*плащ-палатка* — ‘плащ, используемый как палатка’) и сложения с семантикой промежутка (*северо-запад* — ‘между севером и западом’). Аналогичным образом анализируются композиты с опорным прилагательным, числительным и счетными словами.

Приведенная в работе типология сложных слов, по мнению С. М. Толстой, показывает, что синтаксические и семантические отношения между компонентами, характерными для производящих словосочетаний, сохраняют свое значение не только в структуре производных сложных слов, но и во вторичных дериватах (с. 36); ср. одно и то же объектное значение *водо-* в таких сложных словах, как *водоочистка*, *водоочиститель*, *водоочистной*, *водоочистительный* (< *очищать воду*). Эти же объектные отношения сохраняются и в композитах, в которых *водо-* соединяется с другими предикативными основами: *водолюбивый*, *водорез*, *водоотвод*, *водовоз*, *водосвятие*, *водохранилище*, *водомерка* и т. д.

Данный факт свидетельствует о единстве производящего словосочетания в основе сложных и производно-сложных слов, что делает практически невозможным их разграничение в рамках предложенной типологии.

Классификация по типу производящих словосочетаний является вполне логичной и последовательной, однако некоторые выделенные типы сложных слов требуют более детального рассмотрения и уточнения. Так, например, композиты с первым глагольным элементом, или «императивные имена» (термин Н. Д. Арутюновой) типа *сорви-голова* (< *сорвать*), *перекати-поле* (< *перекатить*), *гуляй-город* (< *гулять*) отнесены С. М. Толстой к группе сложений 'глагол + существительное' (V+S), в которой глагол представлен неизменяемой формой императива. Однако вопрос о статусе маркеров императивности внутри не имеет однозначного решения. Так, Е. А. Земская [1973: 129] трактует формант *-u/-й* в данных примерах как интерфейс, то есть как элемент, «лишенный значения, десемантизированный», поэтому в значении таких существительных нет семантического компонента «повеления», «императивности», например: *держи-дерево* — 'дерево, которое держит', а не 'дерево, которому велют держать'. Ч. В. Джеймс [2017: 158] считает эти образования результатом «сращения имени действителя с именем объекта», а форманты *-u, -й* — именными суффиксами первого компонента. В настоящее время данная модель утратила свою продуктивность. Таким образом, интерпретация этих единиц, в частности их первого компонента, требует дополнительного изучения и этимологического анализа, что позволит более точно определить их словообразовательную модель.

В сложных словах с субстантивным управлением выделена группа «сложений на основе атрибуции в широком смысле, восходящих к словосочетаниям с подчинительной связью» (с. 30), к которой отнесены такие примеры, как *лжекувшинка* ('ложная кувшинка'), *лжеприсяга* ('ложная присяга'), которые целесообразнее было бы интерпретировать как сложения усеченной адъективной и полной субстантивной основ. Спорным является рассмотрение в этой группе композитов, в которых невозможно однозначно определить производящее словосочетание: *квартплата* (скорее это аббревиация первого члена словосочетания *квартирная плата*), *нефтекважина* (< *нефтяная скважина*, сложение с *-e*), *томат-паста* (скорее калька с английского *tomato paste*) и др.

Несмотря на некоторую нечеткость в выделении отдельных типов производящих словосочетаний, классификация, разработанная Толстой, обладает несомненными признаками универсальности: она успешно применена и к систематизации праславянских сложений, особенности которых рассматриваются во втором («К проблеме сложных слов в праславянском»), третьем («Двусоставные антропонимы в праславянском языке») и четвертом («К этимологии имени Владимир») очерках.

Традиционно словосложение в славянских языках понимается как механическое присоединение полностью оформленного второго члена сложения к первому, преобразованному (посредством усечения или чередований) компоненту. Однако лексически полноценные компоненты сложных слов характерны прежде всего для сложных слов с неизменяемым первым компонентом, например наречием (*малоприметный, труднодоступный* и др.). В традиционных грамматиках такие единицы называются сращениями [РГ 1980: 175]. Ч. В. Джеймс [2017: 65–66] также отмечает, что гласные *o/e* в этих сложных словах полностью входят в первый компонент и являются наречными аффиксами, выражающими определенное грамматическое значение.

Второй компонент чаще всего представляет собой трансформацию основы по правилам словообразовательной деривации, например: редукция основообразующей глагольной финали у вторых глагольных компонентов *-ной, -сед, -нас, -мер, -лаз, -тёс* в сложных словах *водопой, домосед, свинопас, глазомер, скалолаз, камнетёс* и т. д. С. М. Толстая (с. 42) справедливо трактует эти лексемы как продукты деривации от соответствующих словосочетаний и считает, что морфологическое оформление вторая часть получает не до сложения, а именно **в результате** сложения.

Во втором очерке представлен также анализ праславянских сложений по типам составляющих их основ, независимо от того, к какому классу слов относится сложение в целом (с. 43–52). Как и во всех славянских языках, в праславянском подавляющее большинство сложных слов составляют существительные, второе место занимают прилагательные и значительно меньшую часть составляют глаголы.

Сложения-существительные не только преобладают численно, но и отличаются наиболее широким разнообразием структурных типов, определяемых составом и порядком сочетающихся основ — субстантивных, адъективных, глагольных, наречных: S+V (**konokradъ*); A+V (**novožilъ*); Adv+V (**darъmojědъ*); S+S (**bratъsestra*); V+S (**boligolva*); A+S (**kosogorъ*); Num+S (**osminogъ(jъ)*). Сложения-прилагательные представлены следующими типами: A/Pron +S (**bělogrivъ(jъ)*, **jъnočedъ(jъ)*); S+A (**ľskoběľjъ*); Num+S (**edъnonogъ(jъ)*); V+A (**mъrgoslěpъjъ*). Наименее разнообразны сложения-глаголы: S+V (**kostolomiti*); Adv+V (**jarěpeniti*).

К такому же выводу приходит и Ч. В. Джеймс [2017: 147], который отмечает, что при анализе сложных слов русского языка первый и второй компоненты рассматриваются как имена, а не как глаголы. Даже небольшое количество сложных слов — глаголов являются производными от имени (например, *лиц-е-мер-и-ть* от *лиц-е-мер*).

Проанализировав сложные слова с глагольным, субстантивным управлением, сложения с числительными, частицами, ономатопеями и экспрессивными элементами (с. 43–51) и проведя количественный анализ, С. М. Толстая выделяет две продуктивные словообразовательные модели: S+V и A+S, показывая, что словосочетания таких типов (глагол с существительным и существительное с прилагательным) в наибольшей степени подвержены словосложению (универбации).

Проведенное в данном разделе реконструирование композитов в [ЭССЯ] позволяет объяснить передачу греческих композитов и словосочетаний в старославянских текстах собственными средствами, а также воссоздать элементы праславянского микро-синтаксиса и минимальные текстовые единицы — словосочетания, лежащие в основе композитов.

Особое внимание в работе уделяется **двусоставным личным именам** (очерк 3) как разряду праславянских композитов, которые рассматриваются в том составе, в каком они реконструированы в [ЭССЯ], а также проводятся параллели из других источников (словарей праславянского, старославянского языков, старо-польских и старославянских личных имен). Эти имена (например, *Bqđimirъ*, *Bqđzslaw*, *Zbyslaw*, *Bogurad*, *Bogusqđ*, *Myšlidar* и др.), имеющие индоевропейское происхождение, рассматриваются с точки зрения состава лексических основ, правил их оформления и соединения друг с другом.

В монографии подробно проанализированы характеристики и свойства первого и второго компонентов двусоставного имени. В качестве первого члена двусоставных имен могут выступать чаще всего 1) глагольная основа или корень (**gorěti* (*gori-*): **Gorislavъ*), 2) субстантив (основа, усеченная основа или падежная форма — **ladъ* (*lado-*): **Ladoměръ*, **Ladomirъ*), 3) адъективная основа (**mokrъ* (*mokro-*): **Mokroqsъ*), реже — 4) сравнительная степень адъектива или наречия (**bol'e-*: **Boľeborъ*), 5) местоимение (**Mojslavъ*), 6) наречие (**Domagostъ*), 7) предлог (**Bezdeđъ*), 8) частица — **Nemila* (с. 65–78).

Вторую позицию таких антропонимов занимают только глагольные, субстантивные и адъективные основы (с. 78–82). В рамках каждого из выделенных типов сложных имен рассматриваются наиболее продуктивные словообразовательные модели, а также анализируется внутренний синтаксис, связывающий компоненты этих композитов на основе типа производящего словосочетания (очерк 1).

Представленные в третьем очерке антропонимические модели не отличаются от системы словосложения в сфере апеллятивной лексики и от антропонимических систем других индоевропейских языков. Однако лексический и идеографический состав этих единиц может в некоторой степени свидетельствовать о системе ценностей, лежащей в основе ономастической номинации (с. 81).

В конце третьего и четвертого очерков приведены довольно объемные списки примеров сложных слов праславянского языка: перечень **композитивов-апеллятивов** в «Этимологическом словаре славянских языков» ([ЭССЯ], вып. 1–41; 585 слов с учетом вариантов; очерк 3), список двусоставных антропонимов в ЭССЯ и инверсионный словарь этих единиц (очерк 4). Данные материалы наглядно подтверждают представленные в работе выводы, а также создают более полную картину, позволяющую судить о праславянских композитах, и могут быть использованы лингвистами в дальнейших исследованиях словосложения.

Раздел монографии, завершающий анализ праславянских антропонимов, посвящен рассмотрению этимологических особенностей имени *Владимир* (**Voldimirь*). Автор, проанализировав работы, посвященные двусоставным праславянским именам и трактовку данного антропонима в этимологических словарях, приходит к выводу, что первый компонент имеет глагольный характер (дериват глагола **volsti, voldq* ‘владеть’), и объясняет это тем, что на первой позиции всех имен на *-mirь* стоят глагольные формы в виде основы императива или чистой основы (с. 97).

Вопреки большинству исследователей автор считает, что *-mirь* в составе личных имен имеет значение ‘рах’, объясняя это семантикой участвующих в сложениях глаголов (‘хотеть’, ‘хранить’, ‘защищать’), сочетаемостью компонентов (ср. *мир* и *тишина* и **Tixomirь*), фразеологией (ср. *установливать мир* и **Stanimirь, завоевать мир* и **Ratimirь, разорвать мир* и **Lomimirь, *Krušimirь*), а также тем фактом, что со значением ‘рах’ связан только отыменный глагол **miriti* (с. 98–99).

Вопрос о соотношении финалей *-mirь* и *-mьrь* в антропонимических сложениях является наиболее спорным и связан с семантикой составных имен. Автор не поддерживает точку зрения о германском заимствовании элемента *mьrь*, объясняя это нестандартной «амальгамной» словообразовательной моделью, в которой в качестве одного из элементов выступает заимствованная лексема, не имеющая самостоятельного лексического статуса (с. 103).

Анализируя семантику антропонимических сложений, С. М. Толстая опирается на положение о том, что исходное значение этих единиц можно реконструировать лишь на основе синтаксических отношений между компонентами — сочинительных или подчинительных (с. 104).

В работах, посвященных изучению двучленных имен [Топорова 1996; Davies 2000], отмечалось, что морфология этих единиц имеет свою специфику и строится по законам, отличающимся от общезыковых. Толстая придерживается диаметральной противоположной точки зрения, согласно которой закономерности словообразовательной и морфонологической структуры составных личных имен полностью соответствуют правилам построения лексических (апеллятивных) композитов (с. 97). Однако эти имена имеют и свою изначальную синтаксическую (актантную) структуру, как любые сложения.

Полученные данные снимают повторы и разночтения в этимологических трактовках некоторых групп антропонимов (со вторым компонентом *-мир, -слав* и др.) и могут быть использованы как основа для этимологического анализа и изучения внутреннего синтаксиса других сложных имен.

К словосложению в широком понимании относятся и так называемые **составные номинации** (или **биномы**), т. е. двусоставные (иногда и трехсоставные) лексические единицы, выполняющие номинативную функцию, например *родитель-матушка, тоска-кручина, хлеб-соль, мед-пиво, суженый-ряженый* и др. (подробное описание представлено в пятом очерке «Составные номинации в языке олонечских причитаний»). Данные единицы рассматриваются на материале языка севернорусских свадебных, похоронных и рекрутских причитаний и анализируются с точки зрения их **лексикологического статуса** (с. 114–150) и «**внутреннего**» синтаксиса (с. 150–159).

В первом случае по частеречной принадлежности все биномы корпуса свадебных причитаний делятся на субстантивные (*свет-братец*), глагольные (*кор-мать-поить*) и адъективные (*кругло-малый*), в рамках которых выделяется четыре подвида (цельноформленные сложные слова с неизменяемым первым компонентом (*друг-подружка, молчи-схватиться*,

сине-славный); аппозитивные словосочетания с приложением (*братец-светушко, выкупить-выручить, теплый-красный*); тавтологические словосочетания (*воля-волюшка, стоять-стоять, вольный-самовольный*); конструкции с сочинительной связью (*ангелы-архангелы, воскормить-споить, гусиный-лебединый*), которые подробно анализируются. Различия выявляются на основе количественной представленности подвидов, структурных, «внешне»-синтаксических (согласование с обоими членами бинома или только с одним из них), «внутренне»-синтаксических (тип связи компонентов) и семантических особенностей.

Отметим также, что подобное описание составных номинаций, но на материале русских народных сказок из собрания А. Н. Афанасьева, представлено в работе А. А. Кретова [2015] «Составные номинации в русских народных сказках», где модели образования биномов были выявлены и описаны с формальной (морфемная и метрическая (силлабическая и силлабо-тоническая) составляющие) и содержательной (типы семантических отношений между членами) сторон, а также была рассмотрена степень их распространенности в тексте-источнике. В ходе исследования было установлено, что по этим же моделям образуются номинации и за пределами сказочных текстов, что подтверждается работой С. М. Толстой, в которой представлены схожие модели образования биномов, но на материале праславянского языка.

Важным является вывод автора рецензируемой монографии о «диффузности» составных номинаций, о которой говорит также и Кретов [2015: 231, 240, 258] и которая проявляется не только в их структуре (ее размытости и проницаемости), но и в принадлежности к тому или иному типу. Ч. В. Джеймс [2017: 20, 111] вводит понятие «панонимия» для обозначения способности сложных русских слов с «интерфиксом» *o/e* переходить из словоизменительной парадигмы одной именной части речи в другие, без использования словообразовательных аффиксов. На основании этого, по мнению С. М. Толстой (с. 158), структура, семантика и синтаксис биномов могут быть установлены только при их реконструировании из более широкого контекста.

Вторым аспектом изучения биномов в монографии С. М. Толстой является **их внутренняя структура**, анализ которой направлен на изучение отношений между компонентами, т. е. формальных признаков их номинационного лексического единства¹. На основании этого в рецензируемой работе подробно описаны словообразовательно-морфонологические (однотипность суффиксов и префиксов, тавтология, рифма), грамматические (морфологические и синтаксические) и семантические (уточнение, оценка, усиление и др.) признаки биномов.

В приложениях к этому очерку публикуется довольно объемный словарь (с. 159–203) найденных в олонечских причитаниях биномов (более 800 единиц) независимо от их структуры и лексикологического статуса, который может служить основой для дальнейших исследований языка и поэтики фольклора, севернорусской диалектной лексики, а также составных номинаций в литературном (разговорном) языке, выделение более строгих критериев их систематизации и интерпретации.

Кроме синтактико-словообразовательной деривации, в монографии рассматривается такое явление, как **синтагматическая деривация** (очерк 6), при которой производящим элементом является не единичное слово, а целая синтаксическая конструкция (синтагма, словосочетание), результатом же этой деривации является сложное слово или двусоставная номинация различной грамматической структуры и семантики (с. 205).

Процесс превращения устойчивого словосочетания в сращение через утрату способности к словоизменению не-последних членов номинации описан также в работе [Кретов 2015: 251], где отмечается, что «неизменяемость первой части при изменяемости второй

¹ Такой подход к исследованию составных номинаций согласуется с законом, сформулированным одним из авторов этой рецензии: «Семантические отношения между членами составной номинации воспроизводят их формальные отношения, что является частным проявлением общего закона переноса чувственно воспринимаемых форм на ментальное в языке и культуре» [Кретов 2015: 209, 254–255].

указывает на процесс сращения частей составной номинации и превращения ее в морфологически сложную, но синтаксически нечленимую номинацию (например, *океан-море*, *океан-мору*, *океан-моря*, тогда как форма *океана-моря* указывает на незавершенность процесса превращения составной номинации в синтаксическое слово)².

Автор рецензируемого исследования рассматривает синтагматическую деривацию на материале древнерусских текстов, в частности севернорусских причитаний из произведений фольклора (в частности, сборника Барсова) и относит к ней следующие явления (с. 206–213):

- А) трансформация предикативной конструкции с *verbum finitum* в адъективную конструкцию (*копья ломаются* > *лом копейный*), конструкции с родительным (*сберечь вольную волошку* > *сберегатели вольной волошки*; ср. *скрежет зубовный*) и дательным падежами (*разжигать свечи* > *свечам разжигальщик*, модель образования: те, кто.../тот, кто...);
- Б) словосложение, т. е. образование одного слова из словосочетания (*воду носить* > *водонощица*, *сено косить* > *сенокосица*, образованные по модели: та, кто...);
- В) другие способы компрессии словосочетаний: редукция, аббревиация, универбация и др.

Производные конструкции и композиты сохраняют синтаксическую и семантическую структуру производящих словосочетаний, а также порядок следования компонентов, характерный для древнерусского языка.

Заключение (с. 215–218) подводит итоги размышлениям относительно деривации сложных слов и других составных номинаций, производящей базой которых являются не отдельные слова, а устойчивые синтаксические конструкции, в которых эти слова уже связаны определенными семантическими и синтаксическими отношениями. При сложении процессу деривации подвержены оба исходных компонента. Если же второй компонент совпадает по своей форме с независимым словом, то это именно совпадение, а не механическое присоединение готового слова (с. 215).

На богатом языковом материале (сложные слова, антропонимы, биномы русского и праславянского языков) С. М. Толстая развивает и убедительно доказывает, что словосложение — это взаимодействие двух уровней языка (словообразования и синтаксиса) и двух типов языковых единиц (слова и словосочетания). Словосложение, таким образом, имеет двоякую ориентированность — на синтаксис и семантику словосочетаний и на семантику и структуру словообразовательных моделей имеющихся сложных слов.

В работе представлена довольно полная классификация сложных слов по типу производящего словосочетания, на основе которой проводилась систематизация других видов сложений (антропонимов, биномов) русского и праславянского языков, что может быть использовано в дальнейших исследованиях.

Интерпретация различных категорий сложных слов, представленная в монографии, помогает в понимании внутренней организации рассматриваемых языков, что может облегчить подготовку методик обучения и улучшить процесс изучения русского языка как иностранного.

В целом следует отметить последовательность и объективность изложения сложного и многогранного языкового материала, глубину, четкость, наглядность и доступность его

² Ч. В. Джеймс [2017: 12, 13, 110–111] также говорит о сращении словосочетаний, в результате которого они становятся сложными словами. Типичные русские сложные «слова с интерфиксом *o/e*» представляют собой синтаксические конструкции с нечетким согласованием, где первый компонент, оформленный морфемой *o/e*, является признаковым именем, уточняющим смысл второго компонента. Последний, в свою очередь, сохраняет от сращенного словосочетания способность оформляться соответствующими словоизменительными аффиксами, чтобы образованное сложное слово могло выступать в роли члена предложения с формально выраженными синтаксическими связями с другими членами предложения.

представления в монографии, а также авторский подход к освещению теории и практики, что определяет несомненную ценность рецензируемой работы как в теоретическом, так и в практическом плане.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Джеймс 2017 — Джеймс Ч. В. *Внутренняя форма и грамматический статус русских сложных слов*. Нью-Дели: Goyal Publishers & Distributors PVT.LTD, 2017. [James Ch. V. *Vnutrennyaya forma i grammaticheskii status russkikh slozhnykh slov* [The inner form and grammatical status of Russian compounds]. New-Delhi: Goyal Publishers & Distributors PVT.LTD, 2017.]
- Земская 1973 — Земская Е. А. *Современный русский язык: Словообразование*. М.: Просвещение, 1973. [Zemskaya E. A. *Sovremennyi russkii yazyk: Slovoobrazovanie* [Modern Russian Language: Word formation]. Moscow: Prosveshchenie, 1973.]
- Кретов 2015 — Кретов А. А. Составные номинации в русских народных сказках. *Народная культура и проблемы ее изучения*. Пухова Т. Ф. (ред.) Воронеж: Научная книга, 2015, 171–264. [Kretov A. A. Compound nominations in Russian folk tales. *Narodnaya kul'tura i problemy ee izucheniya*. Pukhova T. F. (ed.). Voronezh: Nauchnaya kniga, 2015, 171–264.]
- РГ 1980 — Шведова Н. Ю. (гл. ред.). *Русская грамматика*. В 2 т. Т. 1: *Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология*. М.: Наука, 1980. [Shvedova N. Yu. (ed.). *Russkaya grammatika* [Russian grammar]. In 2 vols. Vol. 1: *Fonetika, fonologiya. Udarenie. Intonatsiya. Slovoobrazovanie. Morfologiya* [Phonetics, phonology. Accent. Intonation. Word formation. Morphology]. Moscow: Nauka, 1980.]
- Топорова 1996 — Топорова Т. В. *Культура в зеркале языка: древнегерманские двучленные имена собственные*. М.: Языки русской культуры, 1996. [Toporova T. V. *Kul'tura v zerkale yazyka: drevnegermanskie dvuchlennye imena sobstvennye*. [Culture in the mirror of language: Old Germanic two-component proper nouns]. Moscow: Yazyki russkoi kul'tury, 1996.]
- ЭССЯ — *Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд*. Вып. 1–. М.: Наука, 1974–. [Etimologicheskii slovar' slavyanskikh yazykov. Praslavyanskii leksicheskii fond [Etymological dictionary of Slavic languages. Proto-Slavic lexicon]. Vol. 1–. Moscow: Nauka, 1974–.]
- Davies 2000 — Davies A. M. Greek personal names and linguistic continuity. *Greek personal names: Their value as evidence*. Hornblower S. (ed.). Oxford: Oxford Univ. Press, 2000, 15–39.

Получено / received 07.10.2024

Принято / accepted 28.01.2025

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

научный журнал Российской академии наук
(свидетельство о СМИ ПИ № ФС77-77284 от 10.12.2019 г.)

Оригинал-макет подготовлен С. С. Белоусовым

Адрес редакции: 119019, Москва, ул. Волхонка, 18/2,
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, редакция журнала «Вопросы языкознания»,
тел.: +7 495 637-25-16, e-mail: voprosy@mail.ru

Формат 70×100¹/₆.

Цена свободная

Учредители: Российская академия наук, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

Издатель: Российская академия наук, 119991 Москва, Ленинский просп., 14

Исполнитель по контракту № 4У-ЕП-03 -24 ФГБУ «Издательство «Наука»

121099, г. Москва, Шубинский пер., д. 6, стр. 1

Отпечатано в ФГБУ «Издательство «Наука»

121099, г. Москва, Шубинский пер., д. 6, стр. 1